

Научная статья

УДК 93/94

doi: 10.17223/19988613/98/2

«Не народный фольклор» в материалах экспедиций Н.М. Элиаш. 1946–1948 гг.

Алина Тагировна Галимзянова

Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия, alisabitva@mail.ru

Аннотация. Кампания по борьбе с космополитизмом и «буржуазным объективизмом» в академической среде Татарии началась с жесткой критики работы научного сотрудника Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР фольклористки Н.М. Элиаш. Надежду Михайловну обвинили в сборе антисоветского материала в ходе экспедиций, а подготовленный по результатам исследования сборник признали ненаучным. На ее примере автор раскрывает процесс идеологических проработок, проводимых на периферии, которые, в отличие от дискуссий в центральных НИИ, имели более серьезные последствия для обвиняемого.

Ключевые слова: Н.М. Элиаш, Казанский филиал АН СССР, идеологическая борьба

Благодарности: Исследование подготовлено при финансовой поддержке Академии наук Республики Татарстан по гранту, предоставленному молодым кандидатам наук (постдокторантам) с целью защиты докторской диссертации, выполнения научно-исследовательских работ, а также выполнения трудовых функций в научных и образовательных организациях Республики Татарстан в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Научно-технологическое развитие Республики Татарстан». Соглашение № 95/2024-ПД от 16.12.2024 г.

Для цитирования: Галимзянова А.Т. «Не народный фольклор» в материалах экспедиций Н.М. Элиаш. 1946–1948 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 98. С. 14–22. doi: 10.17223/19988613/98/2

Original article

“Non-people's folklore” in the expeditions' materials of N.M. Eliash. 1946–1948

Alina T. Galimzyanova

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation, alisabitva@mail.ru

Abstract. The purpose of the presented academic paper is to trace the conditions and factors that influenced the course of research activities in the field of Russian folk art studying in the TASSR during the period of increased ideological pressure in the post-war years. The article is based on the analysis of a vast array of unpublished documents stored in the Archives of the Russian Academy of Sciences and the State Archives of the Republic of Tatarstan.

In the latter half of the 1940s amid the Soviet government struggle with cosmopolitanism and «bourgeois» objectivism, ideological discussions unfolded in the central scientific institutions, which were aimed at identifying errors in prior published researches. The same meetings were held in the periphery, but their consequences for the criticized one were more radical and were not confine to discussion only. Indicative in this sense is the accusatory process against N.M. Eliash, who was a senior researcher at the Institute of Language, Literature and History (IYALI) of the Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences. She was put on a charge of collecting anti-Soviet song material. It is important to emphasize that, compared to the central research institutes, in Tataria the persecution was initiated in the field of folklore. This feature was explained by the fact that for many years IYALI had been working on the creation of fundamental works on the Tatar history and literature, but due to the August Decree (1944), their publication was suspended, and the institute staff, denounced of making serious ideological mistakes, came under the close control of the party leadership. Therefore, the IYALI leaders could not allow the same specialists to be accused again. The person of the folklorist N.M. Eliash was very convenient in this regard. She was non-party, was subjected to political persecution in the mid-1930s. Moreover, by the time this campaign began, she had been working at the institute for only her second year, so she did not have time to get used to the IYALI scientific corporation, therefore couldn't vouch for anyone's patronage.

Despite the positive reviews and recommendations of eminent scientists in Moscow and Leningrad, Kazan scientists characterized the work of N.M. Eliash as unscientific and anti-Soviet. Built as part of the propaganda of the Soviet patriotism's ideas, the accusation sounded absurd, as a result of which critics managed to characterize the collected folklore as “non-folk”. N.M. Eliash pleaded not guilty and firmly followed the principle of scientific objectivity. Nevertheless, the Institute leaders, with the approval of the Tatar Regional Committee of the CPSU (b), brought the matter to dismissal, and the qualified folklorist was forced to leave Kazan forever.

Keywords: N.M. Eliash, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, ideological struggle

Acknowledgements: The work was carried out at the expense of a grant from the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, provided to young candidates of science (postdoctoral students) for the purpose of defending a doctoral dissertation, carrying out research work, and performing work functions in scientific and educational organizations of the

Republic of Tatarstan within the framework of the State Program of the Republic of Tatarstan “Scientific and Technological Development of the Republic of Tatarstan”. Contract No. 95/2024-PD dated 16.12.2024.

For citation: Galimzyanova, A.T. (2025) “Non-people's folklore” in the expeditions' materials of N.M. Eliash. 1946–1948. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 98. pp. 14–22. doi: 10.17223/19988613/98/2

В современной российской историографии достаточно широко представлен анализ дискуссий, проходивших в советской гуманитарной науке в конце 1940-х гг. Такой интерес связан прежде всего с тем, что развитие науки в СССР невозможно рассматривать вне идеологических кампаний, включавших в том числе и борьбу с космополитизмом. В российском масштабе можно выделить труды А.М. Дубровского, А.А. Касьян, А.С. Сонина, В.В. Тихонова [1–4], в которых подробно анализируется идеологическая ситуация в научной среде и раскрывается трансформация академической критики в политико-идеологическую в рассматриваемых хронологических рамках. В Татарстане данная проблема представлена лишь в исследованиях А.Г. Галлямовой [5]. Вместе с тем важно отметить, что кампании «позднего сталинизма» и их влияние на гуманитаристику изучались на примере таких научных направлений, как философия, история, история науки, право, педагогика, литература, лингвистика, при этом фольклористика всегда оставалась в стороне.

В представленной статье на основании ранее не введенных в научный оборот материалов, в основном документов из Архива РАН и Государственного архива РТ, показан казанский период жизни и деятельности известной ленинградской фольклористки Надежды Михайловны Элиаш, который пришелся на период борьбы с так называемым «низкопоклонством» перед Западом. В условиях политической ангажированности советской науки от нее требовали признания мнимых ошибок, обнаруженных в ее исследованиях по Татарии, и строгого соблюдения официозных предписаний, с которыми она не могла смириться.

В Татарской АССР центром развития гуманитарной науки являлся Институт языка, литературы и истории (ИЯЛИ). Образованный еще в 1939 г., в 1945 г. он вошел в состав Казанского филиала АН СССР. После реорганизации перед директором института М.Х. Гайнуллиным была поставлена задача расширить объем работы научного учреждения, включив в исследование не только татарскую, но и русскую краевую литературу и краевую фольклор. Изменения в тематическом планировании были обусловлены политическим курсом, направленным на «возвеличивание значимости всего русского в социально-политической жизни страны» [6. С. 407]. С этой целью в секторе литературы были образованы две соответствующие группы по изучению краевой литературы и народного творчества. Руководителями этих групп стали приглашенные научные сотрудники Казанского государственного университета (КГУ) – профессор Александр Николаевич Вознесенский и доцент Надежда Михайловна Элиаш. К слову, Н.М. Элиаш была новым человеком в научных кругах Казани. В этот город она переехала лишь в 1945 г. после успешной защиты кандидатской диссертации в Ученом совете КГУ, куда

и была приглашена на должность преподавателя по совместительству, а основную ставку ей предоставили в Казанском государственном педагогическом институте (КГПИ) [7. Л. 23]. А с 1 января 1946 г. Надежду Михайловну по совместительству приняли старшим научным сотрудником в ИЯЛИ, где к июню 1947 г. она должна была завершить работу над сборником «Русский фольклор края периода Отечественной войны» [7. Л. 19 об.].

Поскольку Н.М. Элиаш продолжала педагогическую деятельность в двух казанских вузах, то научные командировки в районы Татарстана она могла осуществлять лишь в летний каникулярный период. Первая экспедиция для сбора русского краевого фольклора была организована в Тетюшский и Буинский районы ТАССР. Надежде Михайловне активно помогали ее студенты, которые также проводили опросы жителей и вели записи. Согласно отчетам, материалы, собранные в двух указанных районах, в количественном отношении оказались значительными: более 1 000 частушек на различные мотивы, более 200 номеров лирических сюжетных песен и около 60 сказок [8. Л. 41]. Важно отметить, что Н.М. Элиаш не ограничивалась просто записями фольклорного материала, она пыталась проследить психологическую составляющую рассказчика, его мировоззрение [9]. Среди сохранившихся материалов экспедиций можно обнаружить сведения о возрасте, уровне образования, социальном происхождении респондентов, но наиболее ценными являются оценочные суждения самих сельских жителей. Например, 1 июля 1946 г. в записи разговора с неграмотной 79-летней колхозницей Верой Петровной Харламовой зафиксированы следующие слова: «Ни одной буковки не знаю. Отец умер в турецкую войну. Век в бедноте. В гробу, а в бедноте» [10. Л. 1]. Другая собеседница – 68-летняя Анастасья Филипповна Кузнецова, «хорошо грамотная, начитанная», как указано Надеждой Михайловной, в интервью с гордостью заявила: «Я со Сталиным в одно число – 8 декабря (родилась). <...> Три года училась в сельской школе. Перва затворила ворота от попа. Первы стали дочки коротки юбки носить, первы стали спектакли делать, лепетиции¹, где на крыльце, в хате. Народ все насмешки, они не взирали, что я молилась как богу. Свекор, свекровь таки набожные. Они гордые, все сплоактивировали². Советска власть мне показала с первого взгляда. Советска власть глаза открыла, завесу сняла» [11. Л. 8]. В дальнейшей беседе А.Ф. Кузнецова выразила горячее желание услышать Сталина: «Хочу услышать его голос» [11. Л. 8]. Подобные краткие дневниковые записи исследователя позволяют проследить ценностные ориентации крестьянского менталитета в советской деревне и вместе с тем показывают, насколько скрупулезно Н.М. Элиаш подходила к фиксации материалов устной истории, сохраняя не только содержание, но и форму изложения.

Для ознакомления с научной литературой, рукописными материалами и изучения вновь собранных материалов по фольклору Великой Отечественной войны Казанский филиал АН неоднократно командировал Н.М. Элиаш в Москву и Ленинград. Казалось, все складывалось довольно успешно: Надежда Михайловна занималась столь близкой ей по духу научной деятельностью и при этом преподавала в университете, где с сентября 1946 г. была устроена штатным сотрудником в связи с уходом из КГПИ [7. Л. 23]. Помимо прочего, ей удавалось работать над своей докторской диссертацией по теме «Обряды и причеты северно-русской свадьбы».

Напряжение внешнеполитической обстановки, обусловленное разворачивавшейся холодной войной, неминуемо привело к усилению контроля внутри советского государства и повлекло за собой новую волну идеологических кампаний, в том числе и в научной среде. На этот раз проработки велись в русле борьбы с космополитами. Официальный старт новым массовым процессам был положен 28 марта 1947 г. Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) об организации «судов чести», на которые возлагалось рассмотрение «антипатриотических, антигосударственных и антиобщественных проступков и действий, совершенных руководящими, оперативными и научными работниками министерств СССР и центральных ведомств» [12. С. 109]. Необходимость демонстрации своей солидарности с центральной директивой требовала показательной самокритики и разоблачительных процессов на местах. В этой связи цепной реакцией последовали партийные собрания в столичных учреждениях, а затем и на периферии.

Дискуссии в науке с осторожностью были восприняты в Татарском обкоме ВКП(б) и в ИЯЛИ, которые совсем недавно пережили серьезные проработки в связи с выходом постановления ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации» (9 августа 1944 г.) [13]. Постоянный страх быть заново обвиненными привел к сдержанности в действиях руководителей института. Их нерешительность в утверждении к публикации готового сборника по русскому краевому фольклору ТАССР проявилась в командировании Н.М. Элиаш в Москву с 7 апреля по 1 июня 1947 г. для получения необходимых рецензий крупных специалистов [7. Л. 24; 14. Л. 202]. Так, по-видимому, они собирались подстраховаться и снять с себя ответственность в случае очередных нападков.

Вместе с тем республиканское партийное руководство издает постановление от 16 апреля 1947 г. «О работе ИЯЛИ КФАН СССР», где подвергает критике все исследования ученых-гуманитариев. Особое внимание уделяется группам русской краевой литературы и русского фольклора [14. Л. 201]. Ученые оказались в достаточно опасной ситуации, если учитывать, что руководители упомянутых групп – А.Н. Вознесенский и Н.М. Элиаш – в середине 1930-х гг. уже были вовлечены в политические кампании по борьбе с «врагами народа»³

Обстановка стала более нагнетающей после выхода 18 апреля 1947 г. директивы Управления пропаганды и

агитации, которая провозглашала «План мероприятий по пропаганде среди населения идей советского патриотизма». Согласно установкам Агитпропа, низкопоклонство перед всем западным объявлялось главной опасностью социалистического строя, а работники науки обязаны были постоянно популяризировать чувство гордости за советскую Родину, показывать величие русского народа, его настоящего и прошлого [12. С. 110–116].

В этих условиях командировка Н.М. Элиаш, которая по поручению ИЯЛИ уже находилась в Москве, превратилась из «подстраховочной» в «последнее испытание», по итогам которого будет решен вопрос о возможности продолжения научной карьеры в Казанском филиале [14. Л. 202]. Важно отметить, что накануне, а именно 1 апреля 1947 г., Надежда Михайловна была переведена в число штатных сотрудников института, при этом оставаясь совместителем в КГУ [7. Л. 33]. Данный факт говорит о том, что руководство ИЯЛИ не планировало прекращать сотрудничество с фольклористской, а кампания против нее была инициирована в связи с активировавшейся «работой по воспитанию советского патриотизма».

Между тем на основании обкомовского постановления от 16 апреля была создана специальная комиссия для выявления качества собранных материалов по русскому фольклору. На заседании партбюро парторганизации КФАН 12 мая 1947 г. был заслушан доклад о результатах данной проверки. Как выяснилось, преподавателю КГПИ Пехтелеву удалось обнаружить «грубые частушки» в фольклорном фонде Надежды Михайловны [15. Л. 6 об.]. На заседании говорилось о том, что «наряду с материалами, представляющими научный интерес и идейно-художественную ценность», Н.М. Элиаш допустила включение в экспедиционный фонд ИЯЛИ фольклорных материалов антисоветского характера (частушки, дискредитирующие колхозный строй). Такой факт, по мнению присутствовавших, свидетельствовал о «политической беспечности и идейной слепоте» руководителя экспедиции. Вскоре, 15 мая, заведующий отделом кадров и спецчастью КФАН Х.Г. Дерганов сообщил о допущенной политической ошибке сотрудника их института в Пятый отдел МГБ [15. Л. 6].

В это время Н.М. Элиаш находилась в Москве, где ей удалось выступить с докладом о своей работе по собиранию фольклора в ТАССР на заседании фольклорного сектора Института этнографии АН СССР [7. Л. 28]. Скорее всего, уже осведомленная о произошедшем в Казани, она просит маститых ученых оказать ей поддержку в деле продолжения научных изысканий.

Сохранились три рекомендации, датированные маем 1947 г., разные по объему, но схожие по содержанию. Так, заведующий сектором классической филологии Института языка и мышления им. Н.Я. Марра АН СССР, доктор филологических наук академик АН СССР И.И. Толстой указал: «...мне известно, что в настоящее время Н.М. Элиаш исследует обрядовый обиход и связанные с ним песенные тексты, бытующие в обрядности северно-русской свадьбы, и в частности – содержание причетей, связанных с ритуалом “отдания красоты”, и, основываясь на положительных качествах, характери-

зующих ее кандидатскую работу, думаю, что было бы в высшей степени целесообразно, если бы оказалось возможным предоставить Н.М. Элиаш средство довести до благополучного конца также и это новое предпринятое ею исследование, обещающее подвести исследовательницу к столь же интересным, а быть может, даже к еще более важным научным результатам» [7. Л. 26].

Заведующий фольклорным сектором Института этнографии АН СССР доктор филологических наук, профессор П.Г. Богатырев также поддержал Надежду Михайловну. Он отметил, что Н.М. Элиаш занимается фольклором с 1917 г., а сейчас собирает научный материал среди русского населения ТАССР. Профессор пишет: «Работа, которую она организовала при КФАН СССР, признана актуальной. Н.М. Элиаш, одна из немногих фольклористов, много лет работает над изучением детского фольклора. Работу эту считаю очень нужной» [7. Л. 28].

Более содержательной является рекомендация, предоставленная заведующим Арабским кабинетом Института востоковедения АН СССР академиком И.Ю. Крачковским. Он подчеркнул, что Н.М. Элиаш является одной из наиболее заслуженных исследовательниц истории русской литературы и фольклора, равно как этнографии в широком смысле. Далее Игнатий Юлианович пишет: «Пройдя очень хорошую школу у славнейших представителей нашей науки еще до революционного времени, она сумела сочетать лучшие вынесенные ею традиции со всеми требованиями и установками нашей новой жизни» [7. Л. 29]. И, перечисляя ее научные заслуги, завершает: «Углубляя свои работы в области фольклора, в последние годы она сосредоточилась на хорошо знакомых ей обрядах северо-русской свадьбы. <...> Она привлекает широкий сравнительный материал из фольклора других славянских народов <...>. Крайне желательно, чтобы для скорейшего окончания этого труда, которого с интересом ждут наши научные круги, Надежда Михайловна получила возможность сосредоточиться исключительно на нем хотя бы в течении одного-двух лет» [7. Л. 26 об].

Несмотря на то, что Н.М. Элиаш удалось заручиться весомой поддержкой столичных коллег, кампания против нее продолжала раскручиваться. 3 июня 1947 г. состоялось собрание партгруппы ИЯЛИ, где в очередной раз разбирался обнаруженный комиссией «неполноценный, антинародный фольклор», но уже в присутствии самой Надежды Михайловны. Важно отметить, что ни на одной из подобных проработок, которые продолжались на протяжении почти целого года, Н.М. Элиаш не пыталась оправдаться или раскаться, называя все происходящее недоразумением, а на вопрос о причине «брака» в сборе материала она всегда отвечала, что не видит ошибок в своей работе [16. Л. 8].

К 12 июня заведующий сектором истории и по совместительству секретарь парторганизации ИЯЛИ Х. Гимади подготовил рецензию «О материалах экспедиции 1946 г. по сбору русского фольклора». В целом в рецензии отмечено много положительного: наличие большого количества «подлинно патриотиче-

ских по духу» частушек, прославление «первого друга и учителя колхозного крестьянства – Сталина, который вместе с Лениным вывел крестьян из темноты к свету и счастью», описание «счастливой доли» колхозников, широкое отражение темы Великой Отечественной войны, ценные по художественным характеристикам лирические песни и пр. На этом фоне слабо выделяется сама критика историка, который вскользь указывает на наличие «определенного количества материалов, не представляющих какую-либо идейно-художественную ценность». В то время как вся рецензия занимает три с лишним страницы, Х. Гимади основную ошибку свел в один короткий абзац: «В записках мы находим некоторое количество частушек, сказок и песен, содержание и настроение коих диссонирует с вышеотмеченным положительным идейным направлением (ироническое отношение к колхозной действительности, к советским людям, отражение отсталой идеологии в рекрутских частушках и религиозных мотивов в сказках)». Подводя итоги, автор делает выводы о «недостаточной бдительности и ответственности собирателя (доцента Элиаш) в подходе к идеологической полноценности собираемых фольклорных материалов» [8. Л. 40–43].

Тем временем новые политико-идеологические реалии 1947 г., складывавшиеся в условиях развивающегося противостояния двух антагонистических систем государственного устройства, требовали от коммунистической власти полной изоляции советского общества от зарубежной культуры, развития чувства неприязни к ней, настороженности. Для более быстрого решения этой задачи была выбрана тактика устрашения, которая могла показать последствия отклонения от установленных норм. С этой целью и было сфабриковано дело ученых Н.Г. Клюевой и Г.И. Роскина (КР), после которого по всей стране развернулись разоблачительные кампании по поиску непатриотично настроенных граждан. В каждом вузе и НИИ были проведены собрания. В ИЯЛИ таковое прошло 5 августа 1947 г., почти сразу же после выхода закрытого письма ЦК ВКП(б) по делу КР [17. Л. 86].

На заседании выступающие произносили трафаретные речи, осуждающие поступок советских медиков, демонстрировали свое «глубокое возмущение» произошедшим. Нельзя было обойтись и без самокритики. Х.Г. Дерганов недовольно высказался: «У нас очень большая деликатность, большая “любезность” друг к другу, большевистской критики нет, а недостатков очень много. Возьмите такой факт. Поступает один материал на одного члена партии, материал без подписи, в материалах указываются антигосударственные поступки, а фамилию писать боится, чувствуется боязнь...» [17. Л. 99].

О сохраняющейся актуальности доноительства свидетельствует и высказывание секретаря бюро парторганизации КФАН Н.В. Кирсанова: «У нас еще частенько критикуют из-за угла, без указания конкретных лиц, посылают анонимки. <...> партбюро должно приложить все силы к тому, чтобы сотрудники Филиала смелее вскрывали недостатки в работе, в руководстве, невзирая на лица» [17. Л. 111].

Непременную атмосферу подозрительности и чувство страха ярко демонстрируют слова того же Х.Г. Дерганова: «Возьмите опять Дубяго⁴. Однажды пришлось попросить его заполнить анкету, он начал руками и ногами отмахиваться, просить, чтобы в соответствующие органы не посылали, его дело всем известное, сестра его живет в Вашингтоне, он сам в тюрьме сидел. Это показывает его морально-политическую слабость, человек боится, не имеет твердой выдержки как советского научного работника» [17. Л. 99].

По проблеме преклонения перед «иностранщиной» научный сотрудник Гржегоржевский высказался на примере КГУ, где, по его мнению, сохранение пережитков капитализма основывается на том, что люди приучали считать себя учениками заграницы: «Некоторые ученые нашего университета тоже заражены таким душком. Я могу привести такой пример, хотя и маленький, но характерный факт. Осенью 1945 г. я был в университете в первый день занятий. Встал вопрос у студентов, какой иностранный язык изучать. И вот в первый же день занятий заместитель одного из деканов, не помню его фамилии, заявил, что, конечно, нужно изучать английский язык, посмотрите, они и атомную бомбу создали, теперь это самый главный язык. <...> Конечно, я дал соответствующее разъяснение на этом совещании, показал вред и глубокую неправильность такого влияния. Из этого факта видно, что душок раболепия проявляется в той или иной степени» [17. Л. 112].

При переходе конкретно на личности под ударом, естественно, оказались беспартийные и те, кто успел побывать в застенках НКВД еще в первую волну массовых репрессий. В массе своей это были высококвалифицированные ученые, прошедшие старую дореволюционную научную школу. Так, Х.Г. Дерганов снова указал на профессора А.Д. Дубяго, который на теоретической конференции «каждое слово выговаривал очень осторожно», профессора П.Т. Смолякова, допускающего ошибки «в самых популярных политических вопросах» [17. Л. 98]. Не обошлось и без указания на Надежду Михайловну: «Возьмите факт собирания русского фольклора – антисоветские, антиколхозные песничастушки. Когда доказываешь, что нельзя так делать, собирать негодные вещи, Элиаш доказывает, что больше всех знает, что она должна их собирать, на совещании она выступала, говорила, что она имеет 30-летний стаж и больше других понимает. Кончилось тем, что ее предупредили и изъяли материал <...> Элиаш заявила, что этот материал научного характера» [17. Л. 98].

Х.Г. Дерганов приходит к выводу о необходимости «обратить серьезное внимание на усиление марксистско-ленинского воспитания профессором, старшего состава научных сотрудников, докторов науки», которые «по сравнению с рядовым составом <...> более отсталые в политическом отношении» [17. Л. 98].

Подобное обсуждение было организовано и в Казанском университете, правда, лишь в конце сентября, что потом будет поставлено руководству вуза в упрек. Важно отметить, что на этом собрании лишь для соблюдения формальности указали на необходимость усиления бдительности среди своих сотрудников и не

стали заниматься разоблачением коллег. В целом по результатам совещаний в КФАН и КГУ обе организации обошлись без «потерь»: после обсуждения не последовала ни череда увольнений, ни тем более аресты. Такое положение во многом объяснялось демократическим настроением руководства – ректора КГУ К.П. Ситникова и председателя Президиума КФАН А.Е. Арбузова, которые не поддержали начавшуюся борьбу с космополитами [5. С. 333]. Поэтому большую роль в начале обличительной кампании в этих организациях сыграла областная газета Красная Татария, где был опубликован ряд критических заметок о положении дел на историко-филологическом факультете КГУ с подробным разбирательством работы заведующего кафедрой литературы профессора А.Н. Вознесенского. Его обвиняли в объективизме и приверженности к сравнительно-исторической школе, связанной с именем Александра Веселовского, что приравнивалось к желанию «вернуть советскую науку к традиции буржуазного литературоведения» [18, 19].

А.Н. Вознесенский находился в тесных научных связях с Н.М. Элиаш: он был официальным оппонентом при защите ее кандидатской диссертации, затем, возглавляя научно-педагогическую работу в университете, всячески ее поддерживал в поисках материала для докторского исследования. Поэтому для ИЯЛИ в условиях разворачивающихся идеологических дискуссий в науке выбор персоны нон грата был очевиден.

В сентябре Н.М. Элиаш была снята с должности доцента КГУ с формулировкой: «Уволена как работающая в университете по совместительству», – а 10 октября встал вопрос о увольнении ее из ИЯЛИ КФАН [7. Л. 32]. Решение оставить Надежду Михайловну на работе было принято Ученым советом лишь на основании того, что за два года работы она собрала большой материал по русскому фольклору, который при ее отстранении мог остаться неиспользованным [8. Л. 142].

28 декабря 1947 г. в газете «Красная Татария» была опубликована очередная заметка о методологических ошибках заведующего кафедрой литературы КГУ профессора А.Н. Вознесенского [20]. Поскольку Александр Николаевич по совместительству являлся старшим научным сотрудником сектора литературы ИЯЛИ КФАН, то для оценки качества его работы в институте была создана специальная комиссия в составе Х.Г. Дерганова (председатель), М.Х. Гайнуллина (директор ИЯЛИ) и Г.М. Хисамутдинова (парторг ИЯЛИ), которым также было поручено изучить подготовленный Н.М. Элиаш сборник по русскому песенному фольклору ТАССР. По итогам проверки в середине февраля было проведено заседание парторганизации КФАН СССР.

В отчете Х.Г. Дерганова говорилось о наличии положительных отзывов московских ученых на работу Н.М. Элиаш. Вместе с тем сам он отметил низкое качество составленного ею сборника: «В определенной части материалов нет исторической, политической ценности и ясной социальной окраски, особенно нет материалов советского периода» [21. Л. 87]. Весьма интересен тот факт, что Х.Г. Дерганов – человек, казалось бы, далекий от науки, дал развернутый

историографический анализ проблемы: «Совершенно недостаточно характеристики и критики старых изданий. Сборника Можаровского, статей “Заволжский Муравей” (1833), статей С. Мельникова “Село Троицкое-Сюкеево в Тетюшском уезде” (1857), Михайлова “Капустка”, простонародных игр в Козьмодемьянском уезде (1854), труда В. Магницкого “Песни крестьян с Беловолжского Чебоксарского уезда Казанской губернии” (1877) и др.» [21. Л. 98 об.]. При этом критика немецкого фольклориста Ганса Науманна ему показалась «слабо убедительной». Вместе с тем председатель комиссии лаконично заявил: «В предисловии чувствуется влияние Веселовского» [21. Л. 87], – так, по-видимому, Х.Г. Дерганов хотел затронуть актуальную на тот момент дискуссию о «буржуазном либерализме» известного литературоведа, но не сумел указать, в чем именно состоит вина Надежды Михайловны.

Кроме того, говоря о советском фольклоре, автору вменяли недостаточность материала и осуждали за неправильный вывод о том, что «советский фольклор не был в почете у старых собирателей и исследователей» поскольку «они рассматривали советские колхозные частушки как деградацию народного творчества» [21. Л. 98 об.]. Так как текст сборника не сохранился, тяжело судить, какого мнения придерживалась сама Н.М. Элиаш, и можно лишь предположить, что Х.Г. Дерганов вырвал данную фразу из контекста, общий смысл которого заключался в опровержении Надеждой Михайловной тезиса ученых старой школы об упадке современного народного творчества.

В конечном итоге заведующий отделом кадров сделал выводы о низком идейном уровне фольклорного сборника и необходимости отдать его на переработку «высококвалифицированному и политически образованному» научному работнику.

На фоне выступления Х.Г. Дерганова замечания М.Х. Гайнуллина и Г.М. Хисамутдинова, изложенные в совместном отзыве, выглядят крайне сжато. Не отличаясь особой оригинальностью, они указали на недостаточность научно-критического анализа историографии вопроса, выявили незначительные фактологические ошибки. Из всего перечисленного наиболее серьезные замечания получили выводы Н.М. Элиаш о том, что жители села Сюкеево Камско-Устьинского района ТАССР не знали помещичьего гнета, но знали гнет кулаков и купцов, который способствовал сохранению старого традиционного фольклора, тормозил рост и развитие новых фольклорных жанров [21. Л. 102]. По мнению рецензентов, «...тяжелая жизнь трудящихся при старом режиме показана, но протесты и борьба трудового народа против угнетателей не отражаются, они пассивно примеряются своим положением» [21. Л. 98 об.]. Данное утверждение Надежды Михайловны не могло вписаться в рамки марксистско-ленинской методологии изложения материала, в связи с чем сотрудники ИЯЛИ указали на отсутствие «классового анализа» народного творчества, который должен был быть проведен «красной нитью» по всей работе.

На заседания по обсуждению работы комиссии присутствующие постановили: «Выводы Элиаш о раз-

витии фольклора не связаны с исторически сложившимися социально-бытовыми условиями народа Казанского края. Собранные материалы в ряде случаев сводятся к горестным, пессимистическим настроениям, нетипичны и народные сказания, не отражающие сил и гордости русского народа. В тексте имеются факты аполитичности, обывательские стишки, снижающие достоинство советского народа» [21. Л. 92]. Таким образом, критика в адрес Надежды Михайловны по своему содержанию была приведена в соответствие с проходившими в это время идеологическим дискуссиями в центральных научно-педагогических учреждениях.

Несмотря на то, что специальная комиссия уже завершила проверку и сделала необходимые выводы, сборник «Краевой русский фольклор ТАССР» направили Х. Гимади на повторное рецензирование. Это был второй его отзыв на работу Н.М. Элиаш, и, в отличие от первого, о котором говорилось выше, последний – абсолютно отрицательный. Он датирован 4 марта 1948 г. и занимает 5 печатных страниц. Документ включает выписки песенного материала, что делает его особенно ценным, поскольку сам сборник нам обнаружить не удалось.

Х. Гимади, не уделяя внимания актуальности и значимости проведенной научной работы, сразу переходит к критике автора рукописи, отмечая, что Н.М. Элиаш в большей степени находится «в плену старых буржуазных ученых». «Как известно, задачей советского фольклориста является не собирание и исследование всякого фольклорного сумбура и хлама вроде отмирающих старинных упаднических, вульгарных и церковных песен и причитаний, а исследование лучших традиций народного творчества прошлого и настоящего. Однако доцент Элиаш считает своим долгом следовать первому примеру» [21. Л. 117]. Сборник состоял из 175 страниц, из которых лишь 8 были посвящены советскому народному творчеству. Это дало Х. Гимади повод упрекнуть исследовательницу в том, что та гордится сбором большого количества ценных вариантов старого традиционного фольклора. «Не новый, прогрессивный фольклор, а “старый, традиционный”», – подчеркивает он.

Переходя к историографическому анализу, Х. Гимади указывает на частое заимствование у «буржуазного историка» Г.И. Перетяковича теории, согласно которой Казанский край был «ареной борьбы растущего Московского государства с кочевниками». Данное утверждение в полной мере расходилось с политическими установками августовского (1944) Постановления ЦК ВКП(б), согласно которому перед учеными Татарии стояла задача всесторонней пропаганды в научной литературе «прогрессивного значения» «присоединения» татарского народа к Российскому государству. В этой связи рецензент, будучи автором и редактором «Истории ТАССР», уже на своей шкуре испытавшим последствия отхода от официальной позиции, поправляет фольклориста: «Во-первых, в XVI–XVII вв. татары, чуваша и другие народы были уже не кочевниками, во-вторых, не “Русское государство”, а царизм насильственно захватил земли народов. Это не одно и то же» [21. Л. 117].

Шаблонным звучало замечание Х. Гимади об отсутствии в исследовании Н.М. Элиаш классового подхода. Аргументом для этого он выбрал цитату из сборника, где утверждалось, что фольклор создается «не в ходе развития социально-экономической действительности, а помимо их» [21. Л. 117].

От критики предисловия к книге Х. Гимади перешел к анализу содержания песенного материала. В то время как коммунистическая пропаганда настоятельно требовала культивирования в советском обществе гордости за Отечество, по мнению Х. Гимади, основными мотивами собранного Н.М. Элиаш фольклора являются «пошлые сентиментально-любовные темы, похоронные причитания, призыв к терпению, пошлая лирика и юмористика». Например, острой критике подвергнуты похоронные причитания по сыну или мужу, погибшим на фронтах Отечественной войны, которые сама Надежда Михайловна назвала «замечательными по глубокому чувству причетами» [21. Л. 114–115].

В целом Х. Гимади приходит к выводам о том, что сборник Н.М. Элиаш является «ненаучным и вредным в идеологическом отношении», к публикации его «никак нельзя рекомендовать» [21. Л. 116]. Его заключение вполне вписывалось в настроение партийной части кадрового состава института и не вызвало каких-либо официальных возражений со стороны казанских коллег.

В этих условиях Н.М. Элиаш решает снова заручиться поддержкой столичных ученых, однако на этот раз в командировке в Москву ей было отказано, несмотря даже на служебные письма академика /И.И. Толстого и официальный вызов Института этнографии АН СССР [22. Л. 1]. Тогда Надежде Михайловне пришлось оформить отпуск, чтобы выехать в Москву и Ленинград для получения необходимых рецензий. В результате было получено три отзыва: 29 марта – от доктора исторических наук, профессора Э.В. Померанцевой, 2 апреля – от академика И.И. Толстого и доктора филологических наук, профессора А.М. Астаховой [22. Л. 3–4].

Последние два отзыва носят полностью положительный характер. Авторы указали на историко-литературное значение проведенного Н.М. Элиаш исследования, а отобранные ею тексты назвали «безусловно ценными по содержанию и с художественной стороны». А.М. Астахова выделила лишь незначительные стилистические ошибки и наличие «излишних оценочных эпитетов». При этом она отметила, что некоторые конкретные указания по улучшению сборника были сделаны ею устно.

Э.В. Померанцева в своей рецензии упомянула, что в декабре 1947 г. уже давала положительную оценку материалу сборника и указывала на целесообразность его издания. Говоря о том, что общая направленность комментариев и ввводной части не вызывает принципиальных возражений, она остановилась на следующих «незначительных дефектах»: «Слова о “старинных красивых песнях” в данном контексте звучат, как противопоставление новому», «из плача Торбиной надо процитировать не те строки, в которых она оплакивает сына, а те, в которых звучат патриотизм, любовь к великой Родине», «неудачную частушку следует заме-

нить другой». Но в целом сборник, по мнению профессора, «производит впечатление большой и добросовестно сделанной работы» [22. Л. 5–7].

Несмотря на то, что Надежде Михайловне удалось заручиться патронажем столичных ученых, было уже ясно, что продолжить работу в Казани ей не удастся. На общем собрании парторганизации КФАН 29 марта было вынесено решение об увольнении «по деловым соображениям» доцента Н.М. Элиаш. Вместе с тем сохранилось ее письмо, датированное 6 апреля 1948 г. и адресованное Ученому секретарю Совета филиалов и баз АН СССР, где она все еще представляется старшим научным сотрудником ИЯЛИ КФАН. В этой докладной записке Надежда Михайловна указывает на имеющиеся положительные отзывы квалифицированных специалистов, которые подтверждают ценность фольклорных материалов и методологическую правильность их обработки. Но из-за «исключительно трудных» условий научно-исследовательской работы в КФАН СССР она просит прикомандировать ее на полтора месяца в Институт этнографии АН СССР «с сохранением содержания без дополнительной субсидии для завершения работы по сбору русского песенного фольклора и для выполнения научной работы по тому “Восточные славяне”, порученной <...> Ин[ститу]том этнографии АН СССР» [22. Л. 2 об.].

В условиях нарастания идеологического прессинга на гуманитарную науку АН СССР не могла позволить себе взять опальную исследовательницу под свое крыло. Вынужденная покинуть Казань, Н.М. Элиаш переезжает в Новгород, где по конкурсу устраивается в Новгородский учительский институт на кафедру русской литературы. В автобиографии причиной своего отъезда она указала необходимость быть ближе к удочеренной после войны племяннице Ирине, которая на тот момент училась в Ленинграде [9]. Понятно, что истинной причиной была развернувшаяся кампания по ее выдворению из научного сообщества Татарской Республики.

Таким образом, во второй половине 1940-х гг. в науке массово развернулись идеологические дискуссии, поводом для которых стал поиск методологических ошибок в изданных ранее трудах. На периферии подобные обсуждения для критикуемого имели более серьезные последствия: демонстративные дискутирования превращались в полномасштабные кампании по выдворению провинившегося. Показательным в этом отношении является проработка Н.М. Элиаш. Важно отметить, что ни о какой дискуссии в фольклористике речь не шла: Надежда Михайловна оказалась жертвой обстоятельств, требовавших проявления солидарности с политикой центра. Поэтому столь абсурдным звучало не только предъявляемое ей обвинение, в котором собраный в ходе научной экспедиции фольклор провозглашался не народным, но и то, что данное утверждение на протяжении года подтверждалось и доказывалось в рецензиях квалифицированных ученых, правда, только казанских. Стоит отметить, что Н.М. Элиаш была не единственной, кто был уволен из института по идеологическим соображениям [23]. Подобная активность руководства ИЯЛИ по вытесне-

нию в первую очередь сотрудников, побывавших в стенах НКВД, объяснялась желанием избежать рецидива событий, связанных с августовским (1944) Постановлением ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической

работы в Татарской партийной организации», где институт выступал центральной фигурой обвинения [13]. Поэтому вполне уместным будет выражение А.А. Касьян: «Эскиз картины происшедшего 1947 г. был нарисован в 1944 г.» [2. С. 42].

Примечания

¹ Грамматика и пунктуация сохранены.

² Возможно, респондент имела в виду «саботировали».

³ А.Н. Вознесенский в 1934 г. был арестован по доносу и пять лет провел в лагерях НКВД, Н.М. Элиаш в 1935 г. получила предписание покинуть Ленинград и была сослана в Саратов.

⁴ Александр Дмитриевич Дубяго – профессор, доктор физико-математических наук, в 1931 г. был арестован на 11 месяцев по обвинению в контрреволюционном заговоре.

Список источников

1. Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е годы). Брянск : Изд-во Брянск. гос. ун-та им. акад. И.Г. Петровского, 2005. 798 с.
2. Касьян А.А. Идеология и наука: дискуссии советских ученых середины XX века. М. : Прогресс-Традиция, 2008. 286 с.
3. Сонин А.С. Борьба с космополитизмом в советской науке. М. : Наука, 2011. 662 с.
4. Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука: середина 1940-х – 1953 г. М. ; СПб. : Нестор-История, 2016. 424 с.
5. Галлямова А.Г. Татарская АССР в период постсталинизма (1945–1985 гг.). Казань : Кн. изд-во, 2015. 455 с.
6. История татар с древнейших времен : в 7 т. / гл. ред. Р.С. Хакимов. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2013. Т. 7: Татары и Татарстан в XX–XXI вв. 1003 с.
7. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. 1337. Оп. 31. Д. 164.
8. ГА РТ. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 3.
9. Груздева Е.Н. Надежда Михайловна Элиаш и ее место в истории русской фольклористики // Из истории русской фольклористики. 2013. № 8. С. 481–511.
10. Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского (ОРРК). Ф. 16. Ед. хр. 3.
11. ОРРК Ф. 16. Ед. хр. 10.
12. Сталин и космополитизм : документы Агитпропа ЦК КПСС, 1945–1953 / сост.: Д.Г. Наджафов, З.С. Белоусова; отв. ред. Д.Г. Наджафов. М. : Материк, 2005. 765 с.
13. Галимзянова А.Т., Галлямова А.Г. Путь длиною в два десятилетия: как создавалась первая коллективная монография ИЯЛИ по «Истории Татарской АССР» // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 1. С. 202–219.
14. ГА РТ. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 5.
15. ГА РТ. Ф. Р-5854. Оп. 1. Д. 4.
16. ГА РТ. Ф. 7571. Оп. 1. Д. 6.
17. ГА РТ. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 4.
18. Дубровская С.А. Против буржуазного либерализма в литературоведении (по поводу дискуссии об А. Веселовском) // Бахтинский вестник. 2020. № 1 (3).
19. Алексеева Н. Факультет, который не справляется со своими задачами // Красная Татария. 1947. 24 сент.
20. Алексеева Н. Еще раз об историко-филологическом факультете // Красная Татария. 1947. 28 дек.
21. ГА РТ. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 7.
22. Архив Российской академии наук (РАН) Ф. 188. Оп. 1 (1946–1950). Д. 68.
23. Галимзянова А.Т. Антисоветское выступление научного сотрудника ИЯЛИ Н.И. Гаген-Торн // Эхо веков. 2022. № 4. С. 70–76.

References

1. Dubrovskiy, A.M. (2005) *Istoriik i vlast': istoricheskaya nauka v SSSR i kontseptsiya istorii feodal'noy Rossii v kontekste politiki i ideologii (1930–1950-e gody)* [Historian and Power: Historical Science in the USSR and the Concept of the History of Feudal Russia in the Context of Politics and Ideology (1930s–1950s)]. Bryansk: Bryansk State University.
2. Kasyan, A.A. (2008) *Ideologiya i nauka: diskussii sovetskikh uchenykh serediny XX veka* [Ideology and Science: Discussions of Soviet Scholars in the Mid-20th Century]. Moscow: Progress-Traditsiya.
3. Sonin, A.S. (2011) *Bor'ba s kosmopolitizmom v sovetskoy nauke* [The Struggle Against Cosmopolitanism in Soviet Science]. Moscow: Nauka.
4. Tikhonov, V.V. (2016) *Ideologicheskie kampanii "pozdnego stalinizma" i sovetskaya istoricheskaya nauka: seredina 1940-kh – 1953 g.* [Ideological Campaigns of "Late Stalinism" and Soviet Historical Science: Mid-1940s – 1953]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
5. Galliamova, A.G. (2015) *Tatarskaya ASSR v period poststalinizma (1945–1985 gg.)* [The Tatar ASSR in the Post-Stalin Period (1945–1985)]. Kazan: Kn. izd-vo.
6. Khakimov, R.S. (2013) *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen* [History of the Tatars from Ancient Times]. Vol. 7. Kazan: In-t istorii im. Sh. Mardzhani.
7. The State Archive of the Republic of Tatarstan (GA RT). Fund 1337. List 31. File 164.
8. The State Archive of the Republic of Tatarstan (GA RT). Fund 4557. List 1. File 3.
9. Gruzdeva, E.N. (2013) Nadezhda Mikhailovna Eliash i eyo mesto v istorii russkoy fol'kloristiki [Nadezhda Mikhailovna Eliash and Her Place in the History of Russian Folklore Studies]. *Iz istorii russkoy fol'kloristiki*. 8. pp. 481–511.
10. Manuscript and Rare Books Department of the N.I. Lobachevsky Scientific Library. Fund 16. List 3.
11. Manuscript and Rare Books Department. Fund 16. File 10.
12. Nadzhafov, D.G. (ed.) (2005) *Stalin i kosmopolitizm: dokumenty Agitpropa TsK KPSS, 1945–1953* [Stalin and Cosmopolitanism: Documents of the CPSU Central Committee Propaganda Department, 1945–1953]. Moscow: Materik.
13. Galimzyanova, A.T. & Galliamova, A.G. (2023) Put' dlinoyu v dva desyatiletia: kak sozdavalas' pervaya kollektivnaya monografiya IYaLI po "Istorii Tatarskoy ASSR" [A Two-Decade-Long Journey: How the First IYaLI Collective Monograph on the "History of the Tatar ASSR" Was Created]. *Zolotoordynskoe obozrenie*. 11(1). pp. 202–219.
14. The State Archive of the Republic of Tatarstan (GA RT). Fund 4557. List 1. File 5.
15. The State Archive of the Republic of Tatarstan (GA RT). Fund R-5854. List 1. File 4.

16. The State Archive of the Republic of Tatarstan (GA RT). Fund 7571. List 1. File 6.
17. The State Archive of the Republic of Tatarstan (GA RT). Fund 4557. List 1. File 4.
18. Dubrovskaya, S.A. (2020) Protiv burzhuaznogo liberalizma v literaturovedenii (po povodu diskussii ob A. Veselovskom) [Against Bourgeois Liberalism in Literary Studies (Regarding the Discussion about A. Veselovsky)]. *Bakhtinskiy vestnik*. 1(3).
19. Alekseeva, N. (1947) Fakul'tet, kotoryy ne spravlyaetsya so svoimi zadachami [A Faculty That Fails to Cope with Its Tasks]. *Krasnaya Tatarsiya*. 24th September.
20. Alekseeva, N. (1947) Eshche raz ob istoriko-filologicheskome fakul'tete [Once Again About the History and Philology Faculty]. *Krasnaya Tatarsiya*. 28th December.
21. The State Archive of the Republic of Tatarstan (GA RT). Fund 4557. List 1. File 7.
22. The Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 188. List 1 (1946–1950). File 68.
23. Galimzyanova, A.T. (2022) Antisovetskoe vystuplenie nauchnogo sotrudnika IYaLI N.I. Gagen-Torn [The Anti-Soviet Statement of IYaLI Researcher N.I. Gagen-Thorn]. *Ekho vekov*. 4. pp. 70–76.

Сведения об авторе:

Галимзянова Алина Тагировна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новейшей истории Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Россия). E-mail: alisabitva@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Galimzyanova Alina T. – Cand. Sc. (History), Senior Researcher of the Department of Contemporary History, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation). E-mail: alisabitva@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.08.2023; принята к публикации 15.11.2025

The article was submitted 08.08.2023; accepted for publication 15.11.2025